

Личность в экстремальных условиях

Валерия Мухина

ПОЖИЗНЕННО ЗАКЛЮЧЕННЫЕ: МОТИВАЦИЯ К ЖИЗНИ*

*... от стена раненых, когда будет производимо среди
тебя избиение, несодрогнутся ли острова?*

Нез. 26:15

Остров: пожизненное заключение или вечное поселение?

Значения слова
«Остров»

«Остров (от ость, гребень) – земля, окруженная водою; возвышенное, сухое место среди болот; бугор; плодородное место среди бесплодного, оазис, зеленец – так поэтично писал более ста лет назад Владимир Даль в своем Толковом словаре живого великорусского языка.

В современном академическом словаре «остров» определяется более лаконично.

Остров – часть суши, со всех сторон окруженная водой. Курильские острова. Японские острова. Но есть еще Австралия! И это уже материк. И вообще каждый материк – часть суши, со всех сторон окруженная водой. Так что остров – понятие весьма условное. Однако остров – это часть суши, окруженная водой, топью, пустыней.

Я затеяла разговор об «Острове» оттого, что за семь лет общения с пожизненно осужденными остро прочувствовала, каково это – не иметь перспективы рассчитывать на свою волю, на свои планы, чтобы выстраивать свою индивидуальную жизнь...

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2002. № 3. С. 51–60; № 4. С. 100–114; 2003. № 1. С. 97–117; № 4. С. 121–143; 2004. № 1. С. 118–130; № 2. С. 128–145; № 3. С. 115–127; № 4. С. 97–106; 2005. № 1. С. 157–175; № 2. С. 137–142; № 3. С. 82–93; № 4. С. 100–114; 2006. № 1. С. 110–118; № 2. С. 141–146; № 3. С. 145–151; № 4. С. 89–101; 2007. № 1. С. 138–151; № 2. С. 194–198; № 3. С. 147–154; № 4. С. 106–120; 2008. № 1. С. 124–136.

Остро прочувствовала благодаря человеческой способности идентифицироваться с другими людьми. Однако я сама не нахожусь пожизненно в условиях камерного содержания и мне не дано понять в полной мере ужас пожизненной изоляции. Я могу только воображать и ужасаться...

За закрытыми
дверями

Не буду говорить о безусловной вине осужденных, но мне трудно представить себе осуждение на содержание человека в условиях строгого режима, на пожизненное пребывание в камере. Я могу только воображать и ужасаться.

Я не забываю о философской пьесе Ж.П. Сартра «За закрытыми дверями» [1]. Где речь идет о посмертно заключенных навек в адские условия, где каждый есть воплощение собственной жизни, где каждый угнетает каждого.

Пожизненный – продолжающийся до конца жизни. Пожизненное заключение – заключение *навсегда*, доколе жив, а часто и после жизни – на особом кладбище зоны.

Я писала о слове «никогда» [2].

«Никогда» –
фатальное слово

«*Никогда*» – фатальное слово, знаменующее собой неотвратимость, неизбежность. Никогда – ни в какое время, ни при каких обстоятельствах; ни прежде... ни теперь... ни после...

Эдгар По показал нам устрашающее звучание «никогда» в своем знаменитом стихотворении «Ворон».

Беспомощный физически русско-испанский молодой человек Рубен Давид Гонсалес Гальего в своем трагичном детстве, полный отчаяния от казалось бы фатального предначертания судьбы, написал о своем ужасе перед предстоящими невыносимыми испытаниями: «Никогда. Страшное слово. Самое страшное из всех слов человеческой речи. Никогда. Слово это сравнимо только со словом “смерть”. Смерть – одно большое “никогда”. Вечное “никогда”, смерть отменяет все надежды и возможности. Никаких “может быть” или “а если?”. Никогда» [3].

Слово «никогда» роковым образом связано со словом «всегда».

«Всегда» –
фатальное слово

«*Всегда*» – все равно, что «вечно». Всегда – фатальное слово. Всегда – во всякое время, во всякую пору, при всяком случае, беспрестанно, при любых обстоятельствах; прежде... теперь... после...

Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

А.С. Пушкин. Борис Годунов

С точки зрения русского языка «никогда» и «всегда» в известном смысле антонимы: слова с противоположными по отношению друг к другу значениями.

В нашем языке есть идеальные антонимы:

«Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.»

Так писал А.С. Пушкин о знакомстве столь разных Ленского и Онегина [4].

Однако «никогда» и «всегда» – антонимы лишь в определенном контексте. Эти слова могут существовать отдельно не как антонимическая пара: их объединяют и противопоставляют некие глубинные смыслы, ассоциирующиеся со временем и с вневременностью.

Само по себе объективное существование времени не затрагивает нашего сознания и эмоций в такой мере, как эти поражающие наше воображение слова, сопряженные с вечностью, с течением времени, без начала и конца. В значениях этих слов есть что-то запретное для человеческого сознания, ограниченного временем, измеряющим его жизнь от рождения до исхода.

Время – категория привычная для современного человека. Время осознается нами через видение и понимание длительности существования всего происходящего на земле и в космосе, измеряемого в веках, годах, часах, минутах, секундах; время осознается нами через собственную проживаемую жизнь.

Особое ощущение времени

В работе с пожизненно осужденными я обнаружила у многих из них *особое восприятие времени собственной жизни*. С одной стороны, безусловно, присутствует сознание течения внешнего времени жизни близких, страны, мира; однако, с другой стороны, осужденные на пожизненное отбывание наказания осуждены на *режим*. Тюрьма – учреждение строгого режима: в шесть утра – подъем, в десять вечера гасится свет, все осужденные должны лечь под одеяло. Им говорят, когда встать, когда лечь, когда встать в позу «цыпленка табака», когда есть и т.д., и т.д. Предлагаемый *образ жизни то прессует время*, и оно приобретает свойство быстрого мелькания дней, месяцев, лет, *то растягивает время до бесконечности*, и оно обретает свойство застывшего, остановившегося времени. Сознание не овладевает временем, когда сам человек не планирует его и не соотносит с астрономическим и с общечеловеческим бытийным временем.

Вневременность – состояние сознания под влиянием депривации психологического времени

Я вынуждена ввести понятие «вневременность» для описания состояния сознания пожизненно осужденных, когда у них депривируется собственное психологическое время.

Вневременность – категория, озадачивающая нас. Вне – предлог, означающий «за пределами». Вневременность – категория мифологическая, имеющая определенные праобразы предтеч правремени и неопределенного будущего; категория особого сознания, указывающая на выпадение отдельного человека из своей эпохи, своего поколения, своего индивидуального психологического времени.

Соединенность понятий «навсегда» и «никогда»

Осужденные пожизненно объявлены осужденными *навсегда*. Это одновременно означает, что *никогда* им не видать свободы, *никогда* не брать ответственности на себя за предстоящую жизнь. Это значит абсолютное лишение будущего, зависимого не только от внешних обстоятельств, но и от собственных помыслов, надежд, планов. Это значит: время будет идти, ты будешь жить по закону установленного режима тюрьмы и ты не сможешь употребить свой ум, свою волю и свои усилия на организацию и проживание своей жизни... Спасает их разум и чувство *надежды* – затаенное ожидание освобождения, соединяемое с мерцающим чувством уверенности в возможность осуществления высвобождения из уз.

А если бы представилась возможность выбора?

Я спросила каждого из моих подопечных: «А если бы представилась возможность выбора – или пожизненное заключение, или жизнь на изолированном Острове? Что бы ты (Вы) выбрал(и) для себя при условии, что на этом острове поселятся только пожизненно осужденные?»

Ответы я изучала с глубочайшим вниманием. Это не был проективный тест. Это был призыв моего отчаявшегося разума хотя бы предположить возможный вариант замены пожизненного присутствия человека в малом пространстве камеры за закрытыми на замки дверями. Это был поиск возможного выхода из ситуации, когда человек подпадает под обстоятельства, которые можно означить словами: «*Никогда* не увидишь свободы», «*Всегда* будешь пребывать в камере пожизненного заключения».

Мое обращение вызвало у большинства реакцию, которую я уподобила бы шоку. Мой гипотетический вопрос о поселении на Острове был вариантом замещения камерного содержания, гипотетической возможностью сделать попытку взять ответственность за себя. Безусловно, в экстремальных условиях, но имеющих место в истории человечества – в царское время осужденных вывозили на «Остров Сахалин», европейцы отправляли своих преступников на экваториальные острова и в Австралию.

Мой гипотетический Остров предполагал поселение только пожизненно осужденных и – никакой администрации от государства. Островитяне должны были бы сами организовывать свою жизнь, исходя из того, что весь контингент – преступники, загубившие жизнь не одного человека. Опорой в развитии условий для жизни должны были бы стать потенциальные возможности самих поселенцев.

Я искала альтернативный выход из ситуации пожизненной неволи в камере за закрытыми дверями. Я предложила Остров.

Многие испытали шок от идеи гипотетического Острова

Меня удивило, что целый ряд осужденных, услышав мое предложение подумать о возможном поселении на Острове, настороженно примолкали и начинали ускользать от ответа. В течение более года я возвращалась к этому вопросу, обращая внимание на то, что это гипотетическое предложение, что я прошу лишь подумать о возможном изменении жизни к лучшему – к возможности попытаться построить свою жизнь в иных, чем камера пожизненного содержания, условиях: на гипотетическом Острове может возникнуть шанс для проявления своих способностей и своей воли.

Наконец, лед тронулся. Узники начали обсуждать проблему жизни на Острове.

Одни отвечали сразу, другие после долгих раздумий.

Для меня было важно узнать и прочувствовать направление движения мысли и эмоций по поводу изменения жизни в камере на иной вариант условий.

Некоторые тенденции реакций на идею о гипотетической жизни на Острове

Смело могу указать на некоторые тенденции ответов.

Во-первых, многие из осужденных не рискнули бы по доброй воле оказаться на Острове с «преступным контингентом» без госслужащих, контролирующих порядок и осуществляющих надзор.

Во-вторых, некоторая – малая – часть из них с удовлетворением приняла для обсуждения такую возможность: поселиться на Острове и попытаться, несмотря на обязательные сопутствующие проблемы контингента, начать жить, исходя из своих возможностей: социальных способностей, трудоспособности, воли к самостоятельному решению разнообразных проблемных ситуаций и др.

В-третьих, некая часть как будто закрывалась от присутствующих во время беседы (кроме психолога обязательно сидит рядом офицер или охранник) и от самого себя. Они начинали демагогически рассуждать о

том, о сем. Возможно, некоторые из них просто не смогли вникнуть в суть гипотетической ситуации и внятно отразить – ведь у многих весьма скромное образование.

Выделенные мною тенденции не говорят ни плохо, ни хорошо о каждом конкретном человеке. И у меня ни разу не возникло желания выстроить список, отражающий некую иерархию от «плюса» к «минусу». Я ориентируюсь на формирующиеся между нами в течение многих лет отношения и на реальные возможности каждого к рефлексии на себя, на других, на ситуацию в целом.

Пребывание в камере с другими преступниками – это испытание каждого

Пребывание в камере с другими преступниками – это особое испытание каждого в отдельности, это особые условия ада отношений между людьми. Своеволие, безудержность одного часто упираются в своеволие и безудержность сокамерника. В большинстве своем осужденные – люди не толерантного способа построения отношений, люди непростых характеров, сложившихся в непростых условиях дома, улицы, города. Как часто между ними возникают противостояния, конфликты и потасовки. Среди них есть столь неумные, столь асоциальные, что администрация вынуждена держать их в отдельных камерах. Возникают и ситуации, когда из-за особенностей личности осужденного назревает угроза для жизни сокамерника.

И все-таки: *они должны научиться сосуществовать друг с другом. Сосуществовать с особым контингентом, с совокупностью людей, составляющих однородную в отношении противоправного, асоциального поведения группу.*

Отношения в камере обусловлены самими людьми, ее наполняющими, и тюремной системой наказания и поощрения. Все они, безудержные на воле, должны научиться лояльному поведению в экстремальных условиях камерного содержания. И они начинают учиться.

Пишет
Андрей Смахов

Приведу лишь одно письмо.

Пишет Андрей Смахов. Он единственный, кто просил писать открыто его имя и фамилию. Здесь и теперь я выполняю это его желание.

Да поможет Вам Бог, Андрей!

Андрей Смахов

11.08.2007

«Здравствуйте, симпатичный человек, Валерия Сергеевна. Мир Вам.

«Мои переживания на фоне происходящего»

Сегодня у нас одиннадцатое августа и я сижу дома на больничном вот уже четвертый день и Бог расположил мое сердце написать Вам хотя бы немного, что я делаю с радостью. Конечно, писать Вам я могу во всякий день, но душа моя осознает то, что мудрость моя, которой на деле у меня нет, о чем свидетельствует мое местонахождение, вряд ли может быть для Вас потрясающей, или хотя бы интересной и Вас больше интересует не столько моя жизнь с теми или иными декорациями, сколько мои переживания на фоне происходящего. Но помыслы сердце человеческих относятся все же к душевной сфере и посему они не могут не интересовать Вас. Господь в Своих Писаниях говорит, что помыслы – это сфера души: «и душа не вполне осознает это». Значит что? Значит не мозги головы являются отправной точкой рассуждений, а нечто другое, что именуется псюхе? Думаю, что это так, а мозги – это лишь биологический компьютер для управления телом, который подает сигналы в члены тела по воле того, кто дает предпосылку на тот или другой сигнал. Да и к тому же вряд ли разумный и внимательный человек согласится с таким словосочетанием, как «мыслить хладнокровно», т.е. мыслить без эмоций. Так не бывает и мысли с эмоциями неразделимы, и все равно – мысли ли порождают – две эти вещи неразделимы и хладнокровно мыслит только лягушка. Согласны? <...>

«Я рассказывал Вам о моих отношениях с сокамерниками в прежние времена...»

Вы помните, Валерия Сергеевна, как я рассказывал Вам о моих отношениях с сокамерниками в прежние времена, о моей агрессии, о моем стремлении отстоять мою и только мою точку зрения, даже тогда, когда я бывал не прав, а значит и вознести мое личное Я над личностью другого, отчего получались только скандалы и склоки, в сердце жила затаенная ненависть и дух проклятия и противления царствовал во мне безгранично. Так жить было очень тяжело, ибо налицо было несоответствие – кипение гнева внутри и внешняя доброжелательность с елейной улыбочкой в зримом, на которую уходили все душевные ресурсы, увы, не безграничные ресурсы. Что это? Прежде всего – это боль. Это наша боль, которую мы носили в себе и которую иногда утешаем, иногда стараемся подавить, но когда наступает время при каких-то обстоятельствах, боль эта прорывается наружу и мы желаем ее буквально вбить другому человеку в сердце, да еще и под эгидой доброжелательности и справедливости, а на деле в духе унижения и самовозношения, унижения, конечно, не себя. Мы все такие, потому что все мы

эгоисты и потому что для каждого из нас существует только одна личность достойная похвалы и неприкосновенности – мы сами (я сам!). Верите?

Мы так живем, и чем дальше мы живем в этой своей самости, тем больше ее в себе аккумулируем, становясь уже в зрелые годы душевными стариками-маразматиками и мизантропами и тем самым сводим себя в могилы прежде времени, оставляя за спинами извитые и израненные нами сердца. Сердца людей, о которых и которым мы говорим, что мы любим их. Но как любим? Любим как можем...

Любим как животные, по инстинкту симбиоза и не более. Наша любовь выглядит вот так: я, конечно, и точно тебя люблю, но ты должен делать это так, а это так, чтобы не раздражать меня. Понимаете, Валерия Сергеевна?

Я хочу рассказать в частности о моей жизни.

«Мой сокамерник Алексей»

Итак, мой сокамерник Алексей. Мы полтора года рядом, в жилой камере и на работе, мы постоянно на глазах друг у друга и мы, конечно, далеко не идеалы. Всякое бывало. Бывало, что и поругаемся и, если виноватым был я, то я всегда просил прощения. И Алексей великодушно прощал меня. Я просил и буду просить прощения даже тогда, когда не прав он, ибо все-таки в возникающем конфликте между участниками конфликта есть доля вины у каждого. Он никогда не сказал мне: «Прости!» Как думаете Вы, Валерия Сергеевна, почему? Ответ один – *гордость*. А гордость дает непогрешимость себя самого в своих собственных глазах, то есть человек видит себя таким эталоном, и это чудовищно. Верите?

«Он постоянно называет свои желания»

И вот полтора года нашей жизни в одной камере с этим человеком. Они таковы: постоянный контроль с его стороны за всеми моими действиями и постоянное навязывание его желаний и его пониманий мне, как идеальных правил для поведения. Я должен есть «так и так», как он считает правильным, что соответствует его вкусам и представлениям. Все, чтобы я ни делал, я делаю, по его мнению, неправильно, все не так и все не по его. И это при том, что я ни разу за полтора года не сказал ему, что он делает что-то не по-моему, не правильно на мой взгляд. Понимаете? Это очень тяжело.

«Нет конца и края его условиям и требованиям»

Когда следует очередная установка, я молча начинаю делать так, как он это говорит, думая, что может все-таки дойдет до него и он оставит меня в покое. Не доходит. Условия и требования прут из него как из бездны бездонной и нет им конца и края. Говорить с ним я

уже боюсь, потому что тон его ответа на предложенную мною тему, стирает совершенно мое мнение, сметает меня, как личность с лица земли и в мире начинает преобладать только его всеведующее «Я». Хотя он и не понимает того, что он не умен. Он может оперировать какими-то знаниями где-то когда-то вычитанными, но ума у него нет: любая неведомая ему тема с первого шага загоняет его в тупик. И он злится. Это гордость.

«Сам я довольствуюсь тем, что я хорошенький Андрюша»

Но я пишу не для того, чтобы очернить моего сокамерника, он просто такой какой есть... Невзирая на это я стараюсь делать ему добро, по мере сил и возможностей, например, прошу, чтобы в посылках присылали то, что любит он и, если приходит что-то мне из вещей, то я предлагаю ему взять на выбор, сам при этом довольствуюсь тем, что я *хорошенький Андрюша*. По сей причине я рад, что Христос говорит мне «поступай так». Но трудно мне было понять слова Господа: «Благотворите ненавидящих вас». Зачем? Не разумел я этого до вчерашнего дня.

«Вчера мое терпение кончилось»

Вчера все мое терпение кончилось. Нет, я не поднял восстание и не затеял скандал, просто дождался пока Алексей уйдет на работу, и написал заявление начальнику, желая объяснить, чтобы меня перевели, если можно, в одиночку. Просто душа моя просила отдыха, ну, неумоги больше было так жить мне, грешному, во всем невежде, всегда все делающему не так, с таким безгрешным совершенством в одной камере.

Начальник подошел к обеду и я ему все, что хотел, рассказал. Обещал перевести.

Хотел я переехать, пока Алексей не пришел с работы, но вот все никак не переводили. Заварил я чаю и когда парень пришел домой, мы сели за стол, и я сказал ему: «Леха, я уезжаю, проблема не в тебе, она во мне, прости меня и не обижайся». Веселье его, с которым он вошел в наше жилище, как корова языком слизнула. Зачем уезжаешь? Куда? Посмотрел я на его лицо и вдруг такая боль пронзила мое сердце, такое сожаление, что я махнул рукой и пошел молиться и слезы текли из глаз. Я понял, что не могу оставить этого человека. Понял, что, несмотря на все его выверты, я его люблю, и он мне дорог и мне его жалко до боли. Вот оно! «Благотворите ненавидящих вас». Вот, что это такое, Валерия Сергеевна.

Мы начинаем любить людей все больше и больше, чем больше мы делаем им добра и пусть они не замечают добра нашего, и пусть воспринимают наше добро как должное или как подхалимаж – все равно, это нас обла-

гораживает и делает светлее, чище и искреннее. Это учение Христово, это новозаветное учение Вечного Учителя и оно противоположно тому ветхозаветному: «любви ближнего твоего и ненависть врагов твоих». Ибо ненависть только преумножает ненависть и посему заповедь эта положена в законе Моисеевом, чтобы люди познали грех, живущий в них.

«Мы сидели и ждали времени, когда обычно делают переводы»

Итак, мы сидели и ждали восьми часов вечера времени, когда на участке обычно делают переводы из камеры в камеру. Сидели и ждали, не проронив ни слова. Мне было больно и жалко, словно я покидал сироту, который не знает где лево, где право. А что творилось в сердце Алексея – один Бог знает. Наверное, эти мучительные минуты безмолвного ожидания сблизили нас больше, чем прошедшие полтора года. Я просто понял, что парень ко мне привязался, а я прикипел к нему душой как к родному и что близкая разлука будет для нас обоих трагедией, я понял, что мы не чудовища, а люди, которые только-только начали обретать себя самих друг в друге, видеть свое лицо в лице сидящего рядом и видеть, что это людское лицо и оно лишь искажено жуткой гримасой жестокости сердец из прошлого...

«Благодарен я Сергею Валентиновичу – у него мудрое и доброе сердце»

Мы бросали взгляды на часы (подаренные Вами) и видели как стрела движется неумолимо к восьми... Не знаю, что думал Сергей Валентинович, но меня никуда не перевели, я тут, я на месте, с этим дурнем родным, с Лешей и мы завтра снова пойдем вместе жужжать на машинках – шить рукавички. Я доволен, и я благодарю моего Бога за то, что внутри нас. Он показал многое, а во вне не позволил даже мухе пролететь. Благодарен я и Сергею Валентиновичу – у него мудрое и доброе сердце.

Вот так. Видите? И вся психология. Нужно только поверить тому, что говорит Господь, и поступать по Его словам и это непременно принесет добрые плоды – я свидетель этому.

На этом закончу. До свидания, Валерия Сергеевна, человек добрый и симпатичный. Думаю, что и вы, делая добро нам, полюбили нас. Любите, мы такие же люди, как и все. Да хранит Вас Господь.

Искренне, с уважением.

Андрей».

Это было откровение о пребывании в условиях пожизненного содержания в тюремной камере, о мудром разрешении проблемы общения.

Но все перипетии не закончились раз и навсегда

Однако столь мудрое разрешение проблемы стилия общения между Андреем и Лешей, столь добрый финал еще не означает, что все перипетии закончились раз и навсегда. Были напряжение и усталость... Предстоящее расставание поправило отношения, подавило тяжелые чувства. Но они вновь возникнут с неизбежностью злого рока.

Жизнь в тесных условиях камеры – столь малого пространства! – для осужденных на пожизненное заключение реально невыносима. В одном режиме, на малой территории люди просто устают от этих условий до срыва, до состояния «съезжающей крыши»*. Поэтому условия тюрьмы для пожизненно осужденных – постоянно депривирующая человека экстремальная ситуация.

Остров может
дать шанс

Кроме того и сами осужденные – ох! – как не просты. Остров дает возможность расширить ареал обитания, обрести относительную свободу выбора своего пути в иных условиях. Это *другие* экстремальные условия. Но здесь есть шанс строить иную жизнь.

Конечно, здесь будут особые условия сосуществования и борьбы особого контингента.

Обратимся к рефлексиям по поводу гипотетической жизни на Острове.

Каким видят Остров мои подопечные?

Прочтем еще несколько писем.

С. Х.

3.02.2007

«Здравствуйте, уважаемая Валерия Сергеевна!

Прежде всего, хочу подчеркнуть, как важен для меня каждый Ваш приезд на ПЛС. Поверьте, общение с Вами очень необходимо для меня, это как глоток родниковой воды усталому, изможденному путнику, бредущему в пустыне. Во время бесед со мною Вы буквально за уши подтягиваете меня до своего уровня общения. Я словно поднимаюсь чудесным образом по социальной лестнице на несколько ступеней вверх – говорю с Вами нормальным, русским языком, языком Достоевского и Толстого, чувствую себя членом социума, не пораженным в правах, ведь со мною советуется, меня вежливо выслушивает, и, кто! ...Мудрая и обаятельная женщина. Когда же я возвращаюсь в камеру, в тот самый “бедный в предметном отношении мир”, где общаются, в основном, на тюремном, убогом арго, то это милое, вре-

* Крыша едет, крыша дымит – о человеке, потерявшем рассудок, ведущем себя неразумно, неадекватно [5].

менное наваждение исчезает, как утренний туман и я опять лечу вниз с той самой волшебной лестницы, перепрыгивая через две-три ступеньки, back in black... назад в зияющую темноту...

Если собрать всех нас – отверженных и отправить на этот «Остров погибших кораблей»...

Это, отчасти, и мой ответ, если хотите, на Ваш вопрос об Острове. Если собрать всех нас – отверженных от нормального общества, всех пожизненно заключенных и отправить на этот «Остров погибших кораблей» – без контролеров, без администрации, то их место по праву сильнейшего займут все те же «авторитеты», те «третейские судьи» преступного мира, с их жесткими правилами и законами.

Увы, это не будет “город Солнца” Кампанеллы. Там, конечно же, найдутся и “оппозиционеры”, которые откажутся выполнять распоряжения новоявленной “администрации”. Будут противостояния, борьба за выживание, все это, наверное, будет скорее напоминать сборище голодных бабуинов, чем общество нормальных людей. Ведь даже у Робинзона на острове была Библия, был распорядок, диктуемый местными, сложившимися условиями жизни, какие-то обязательства перед Пятницей, ежедневное ведение хозяйства (козы, птица), огород, рыбалка, сбор плодов и ягод. Вот такие «робинзоны», наверное, и выживут.

Остальных “запишут” в племя местных людоедов, со всеми вытекающими отсюда последствиями»...

М. С.

5.02.2007

«Здравствуйте, уважаемая Валерия Сергеевна.

...Хочу ответить на Ваш вопрос относительно отдельного поселения на Острове вместо пожизненного заключения, находясь на этом острове без администрации.

Это будет нереально, так как, если собрать всех пожизненников на Остров поселения без администрации и предоставить самостоятельность, то будет твориться полный хаос и беспредел. Выживут только сильнейшие. Это будет похоже на то, если посадить в банку двух скорпионов – сильный выживет, слабый погибнет. На этом острове будет анархия. Но нельзя грести всех под одну гребенку. Это говорю, потому что осужденные разные и всех равнять нельзя.

Вот вроде и выразил свое мнение Вам. Искренне о чем думал <...>

Храни Вас Бог!

С искренним уважением М.С.»

«Если собрать всех пожизненников на Остров... то будет твориться хаос и беспредел»

«Лидер определился бы быстро»

А. Х.
15.02.2007

«Здравствуйте, уважаемая Валерия Сергеевна!
Отвечаю на тему «Остров».

Нормальную жизнь на Острове без администрации и охраны, конечно бы, наладили: в преступном мире, в каждой зоне есть вор или смотрящий за зоной. Естественно, около таких осужденных – около вора и смотрящего, есть приближенные: верные, физически здоровые люди. Слово вора для всех осужденных закон. (Это то же самое, что Царь и его свита, только у вора – приближенные, они же и охрана). Сколько существует зона, столько вор и правит зоной. Так могло бы быть и на острове: лидер определился бы быстро.

Ну, а дальше как по сценарию: часть осужденных занималась бы пропитанием, часть постройкой жилья и т.д. и т.п. Конечно, первые часы на острове не прошли бы без мордобития, так как среди желающих получить «корону», оказался бы не один...»

«Хорошей жизни на Острове не получится»

В. С.
2.02.2007

«Здравствуйте, уважаемая Валерия Сергеевна.

Я хочу ответить на Ваш вопрос, как бы я жил на острове, строя свою жизнь на Острове вдали от цивилизации и администрации. Я полагаю, что хорошей жизни не получится, так как среди нас разный контингент и обязательно будут разборки, очередные преступления и, возможно, убийства. Вобщем, на этом Острове выживет сильнейший...»

Они мечтают о свободе среди законопослушных

Писем с выражением сомнений относительно возможности устройства нормальной жизни на изолированном от законопослушных людей Острове подавляющее большинство. Осужденные пожизненно в своем большинстве боятся окружения контингента преступников без внешнего социально-нормативного контроля.

Они мечтают о свободе, но о свободе среди законопослушных. Они хотят жить в нормативном окружении. Но здесь у каждого реально присутствует их особая позиция относительно самого себя. Слушая его внимательно, рефлексирюя на их эмоциональные всплески я вдруг открыла для себя некую позицию многих из них. Они хотят от других людей... нормативности для самих себя.

(Продолжение следует)

---

1. *Сартр Ж.П.* Философские пьесы. – М., 1996. – С. 110.
  2. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность. – Екатеринбург, 2007. – С. 862.
  3. *Гальего Р.Д.Г.* Белое на черном. – СПб., 2004. – С. 200.
  4. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Гл. 2. XIII.
  5. *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. – М., 2007.
-